

КАРРИЕРЪ †¹

[74]

„Обезцвѣченный Веласкезъ” назвали его Гонкуры.

Рѣдкое сравненіе бываетъ такъ близко къ истинѣ, такъ сильно освѣщаетъ художника изнутри.

Обезцвѣченныя пустыни Эскуриала и дымныя вуали Карриера одинаково уединяють и обособливають человѣческое лицо.

Парадоксальность судьбы: Карриеръ, одинъ изъ величайшихъ колористовъ, не различалъ цвѣтовъ.

Онъ видѣлъ только колебанія холодныхъ и теплыхъ тоновъ.

„Развѣ природа окрашена?” говорилъ онъ съ удивленіемъ своимъ ученикамъ, рассматривая ихъ этюды.

Отъ рожденія онъ былъ слѣпъ къ цвѣтамъ.

„Будь слѣпъ, какъ Гомеръ, или глухъ, какъ Бетховень...”

Въ небольшихъ пространствахъ узкой комнаты взглядъ его пронизывалъ междузвѣздныя пустыни, отдѣляющіе одинъ предметъ отъ другого, сосѣднее человѣческое лицо отъ глаза художника.

Для Карриера человѣческое лицо—это мерцаніе сосѣдней планеты, недостижимой, невѣдомой. Это звѣздная пыль млечнаго пути, это вихри еще не уплотнившейся міровой туманности.

Всѣ мы сложными концентрическими кругами движемся одинъ около другого, но никакая сила любви и притяженія не можетъ преодолѣть центробѣжную силу, поддерживающую наши орбиты.

Каждое лицо для Карриера бесконечно близко, желанно, недостижимо, какъ родное лицо земли, видимое изъ морозной глубины луннаго кратера.

¹ М. Волошин, «Карриер. [Некролог]», *Золотое руно*, 1906, №4, 74-75.

Каррієрь безсознательно сталъ поэтомъ междузвѣздныхъ пространствъ,—и его трагедія — трагедія неодолимаго пространства.

Изъ всѣхъ человѣческихъ жестовъ онъ видѣлъ, понялъ и унесъ съ собою только одинъ жестъ: жестъ матери къ своему ребенку.

Безнадежный поцѣлуй матери къ ребенку. Безнадежный потому, что въ немъ уже предчувствуется неизбѣжность разлуки: это послѣднее соприкосновеніе звѣздной туманности съ новообразовавшимся сгусткомъ матеріи. Еще одно мгновеніе и онъ отправится навсегда и начнетъ свой одинокій бѣгъ въ холодныхъ пространствахъ міра...

[75]

Поэтому нѣтъ художника въ Европѣ, передъ картинами котораго охватывало бы такое чувство одиночества и грустной покорности, какъ передъ полотнамн Карріера.

Его знаменитые портреты — Додэ, Гонкуровъ, Верлэна, Рошфора — таковы, точно это взглядъ въ нашъ вѣкъ изъ какого-то далекаго будущаго вѣка.

Это не лица живыхъ людей, которыхъ мы привыкли видѣть въ гостиныхъ, въ театрахъ, въ кафе...

Это грустные лики привидѣній.

Одиссей, спустившись въ Аидъ, такими видѣлъ тѣни близкихъ ему при жизни героевъ.

Каррієрь не оставилъ школы, но (это характерно для него) оставилъ свое искусство въ своей семьѣ.

Скульптуры его сына, портреты и цвѣты его двухъ дочерей, тисненныя кожи его жены, глиняныя вазы его сестры— все это повтореніе, продолженіе, развитіе его искусства, точно густой туманъ, разрѣшившійся мелкимъ дождемъ.

М а к с и м и л і а н ь В о л о ш и н ь .